

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Журнал и сцена - 1994 - 15-22 дек. (№ 49) - 62

КОГДА ЖЕ, НАКОНЕЦ, ВОРВУТСЯ НАШИ?

Из-за спин поздравлявших автора сценария я сказал лишь часть полагавшегося к случаю. Но сегодня и нелепо говорить что-либо до конца, когда вокруг — ничего законченного.

Я сказал: «Спасибо! Смешно» (кажется, даже сказал: «Очень смешно!»). Но автор отвлекся от, вероятно, подробнее поздравлявших и воскликнул с неожиданной для меня горячностью: «Грустно!»

Я почувствовал себя как-то неловко. Я и вообще-то не слишком смешлив в зрительном зале. И комедия — не самый близкий мне жанр. Хотя «Полицейские и воры», например, смешат меня и при намеке на воспоминание. Так вот и сама жизнь всегда меня смешит. Особенно в последние годы. В молодости я скорее был склонен к грусти, но всем тогда казался весельчаком.

Я сказал: «Смешно» (или, повторяю, «Очень смешно»), благодарный людям, явившим ободряющий меня пример достижения поставленной себе цели. Задумали снять комедию «Прохиндиада-2» — и сняли. Захотели — и сделали.

Более десяти лет назад я случайно присутствовал на обсуждении сценария первой «Прохиндиады». Сейчас, конечно, весьма сложно восстановить в необходимых нюансах общность тогдашних восприятия. Слушали Анатолия Гребнева люди из его же цеха, отлично представлявшие меру допустимого начальству сопротивления. Многие из нас чего-то уже знали, слышали про тайное и явное, оберегаемое цензурным запретом от проявления массового интереса к тому, что уже тревожило приходивших к власти лиц. А про то, что за тайным — будущее, вряд ли кто-нибудь тогда, кроме самих действующих лиц засекреченного бизнеса, мог верить.

От Гребнева никто и не ждал нового Чичикова. Хотя от чичиковского обаяния он, по моему, танцевал в единственно возможную в

тот момент комедийность. И скорее всего, кроме Александра Калягина, и не было исполнителя, который бы на возбраняемом масштабе типа вроде бы не настаивал, а просто светил наглым от беззащитности взглядом удивительных глаз, уже заглянувших в чеховские глубины — и лучше всех знал, чем на самом деле обеспечивается достоверность комического.

Встретил как-то под прошлогодним снегопадом Гребнева возле метро «Аэропорт». Он рассказал, что после смерти режиссера Виктора Трегубовича Калягин сам взялся за постановку. И сам добывает необходимые для съемок деньги. Ходит по богатым людям, а те перед его славой и шармом устоять не могут — и деньги дают, но не сразу, не сразу в полном объеме. И в съемках образуются паузы.

На премьерных подмостках в Доме кино поначалу явно не доставало снимавшихся в главных ролях актрис. Одной скоро рожать, другие на выступлениях. Но вдруг ко всеобщему восторгу появилась Гурченко. Я смотрел на Людмилу Марковну с особым интересом, только-только дочитав книгу ее мемуаров, где самыми захватывающими показались мне главы о внутреннем накоплении, происходящем в артисте от всего, с чем сталкивается он в общественной жизни. И сразу вспомнил глаза Калягина — не экранного, а того, что встречал гостей при входе. Глаза человека, испытывавшего чувства посетителя, при том, что как раз артистов (а уж таких, как Калягин, в особенности) современные миллионеры любят с детской страстью — и об унижениях, в общем, нет и речи. И все-таки...

Появился эта картина несколько бы раньше, наверняка бы драматургу выпали комплименты за объясняющий подвизку в личном его сознании и осознании ход, превращающий самого ортодоксального персонажа старой «Про-

хиндиады» — некоего Виктора Викторовича (нового начальника героя Калягина, сразу же раскусившего этого хитрожопого Любомудрова и перекрывшего ему, как выражались в те времена, кислород) — в оппонента уже на иных началах, негодая с гвардейскими усами, дающего оставшемуся во вчерашнем дне Любомудрову сто очков вперед в той, по собственному признанию В. В., заимствованной у него хитрожопости, вызывая к переигранному им сопернику нашу искреннюю, если не симпатию, то жалость.

Но сегодня протокольность отражения действительности — с одними открытыми эмоциями, без лезвия аналитики — уже сильно раздражает. И не только в кинематографе, а во всем, что видим вокруг. Как-то так оно получается, что умные — по одну сторону, а старомодно порядочные — по другую. И привычный проигрыш порядочных уже не вызывает грусти, а скорее близкий к истерике смех.

А по правилам игры — под правилами я понимаю достаточно спорное сегодня желание, не меняя ничего в структуре жанра, оставаться сугубыми моралистами, но без былой государственной финансовой поддержки — по этим правилам смех в комедии, претендующей на изменение нравов, должен быть здоровым.

Хорошо ли, что ни под каким видом не появляется здесь по-современному аналитик, а по-старому резонер, вроде Стародума из Фонвизинского «Недоросля»? Вдруг бы истосковавшая по справедливости публика встретила этого самого скучного персонажа комедии овацией? Спросил же в конце сороковых годов мальчик — сын известного театрального критика на спектакле «Анна Каренина» во МХАТе: «Когда же, наконец, ворвутся наши?»

Александр НИЛИН.

Калягин Александр

15.12.94.